

ПИСЬМА ГЕРХАРДА ВОЛЬТЕРА

1. Г. Вольтер – сотрудникам правления Общества «Возрождение»

Шоттен, 27.01.96

Здравствуйте, дорогие друзья!

В очередном письме я попытаюсь по свежим следам рассказать о похоронах Альмы Эглит, состоявшихся 17 января.

Несмотря на тяжелые вести о состоянии ее здоровья, доходившие до Москвы, я, прибыв в Германию, все же надеялся застать ее в живых. Тем более что еще за четыре дня до смерти я говорил с нею по телефону. В воскресенье, 15-го, с помощью Розы Фибер я хотел добраться до селения Альтенгоф, где живет семья Альмы. Именно поэтому я в субботу позвонил Розе, и она сообщила о случившемся прошедшей ночью.

Теперь я ехал на похороны Альмы. В 12 часов дня мы с Розой приехали к кладбищенской часовне, где покоилось ее тело. Тяжелые минуты встречи с родителями, которым выпало на долю пережить свою дочь. За долгие месяцы ее мучительной болезни они, видимо, уже свыклись с неизбежностью происшедшего и выплакали все слезы.

В часовне – два небольших помещения. В первом для обозрения выставлены десятка полтора венков, искусно изготовленных из еловой хвои и живых цветов. Среди них – венок от МГСН, «Видергебурт» российских немцев, Землячества немцев из России, от родных и близких. Их заказали соответственно Г. Вольтер, В. Эрлих, К. Эмих и др. Красными розами выделяется венок от Виктора Дизендорфа.

Переходим в следующее помещение. В глубине небольшого зала на черно-коричневом катафалке покоится цвета полированного дерева изящно изготовленный гроб. В нем на всем белом покоится неожиданно маленькое тело, до пояса прикрытое саваном. До невероятности изменившееся лицо окончательно заставляет усомниться в том, Альма ли это? Ничего общего с той Альмой, которую мы имели радость видеть всего полтора года тому назад!

Молча, уставившись в лицо покойной, стоим в некотором удалении от гроба. Начинают прибывать люди. Подъезжает большое семейство Майстер, появляется Виктор Эрлих, за ним – Константин Эмих с окружением, другие российские немцы.

Я продолжаю внимательно всматриваться в лицо Альмы, пытаюсь найти хотя бы какое-нибудь сходство, чтобы убедить себя в том, что именно она лежит в гробу. С трудом обнаруживаю, что только очертания рта отдаленно напоминают о нашей прежней Альме.

На ней черная блузка со снежно белым высоким воротником, охватывающим истонченную шею. Поверх блузки – большой крест с распятием на цепочке. Все строго и печально-эстетично. Как рассказала мне Роза Фибер, детали предстоящих похорон, включая одеяние, были оговорены самой Альмой с нею в дни ожидания неизбежной кончины. В этой ужасной смелости и открытости, как и в том, что, уже не имея сил писать, она несколько дней урывками диктовала отцу свою исповедь, угадывается наша неординарная Альма, какой мы ее знали.

Сознание не покидало ее до самой смерти. Перед наступлением последней ночи она попросила отца повернуть ее на спину, заметив, что он положил ее недостаточно прямо. Отец выполнил ее желание. В таком положении она и умерла той ночью...

13 часов. Все присутствующие в последнем прощании проходят мимо гроба и под призывный звон колокола направляются к кирхе для молебна. Лютеранский пастор читает проповедь, под звуки органа поет церковный хор. Он собрался в полном составе в честь и в память Альмы, которая до болезни пела в этой кирхе.

13.45. Все присутствующие, в том числе хористы, во главе с пастором под прощальный колокольный звон возвращаются к часовне. Закрытый на медные защелки гроб стоит теперь в первом помещении на том же катафалке в окружении венков. После краткой речи пастора свои места занимают люди из службы похорон. Вслед за распятием и пастором они катят катафалк с гробом от часовни к недалекому месту захоронения. Белые перчатки резко контрастируют со строгими черными костюмами.

Стены могилы выложены хвойными лапами. Под хвоей скрыта и ссыпанная в одном месте земля. Гроб снимают с катафалка и ставят рядом с могилой. Кругом люди, их уже не менее ста человек.

После непродолжительной проповеди пастора от имени Межгосударственного Совета российских немцев по поручению его Форштанда прощальную речь на немецком языке читает и возлагает венок Г. Вольтер. От участников хора выступает и возлагает венок его староста.

14 часов. Под колокольный звон гроб опускают в могилу. Вслед за пастором присутствующие поочередно подходят к могиле и вместе с букетиком цветов бросают в нее по три лопаточки песка, который набирают в рядом стоящем ящичке. К этому времени на катафалке привезли и разложили для повторного обозрения венки. Закончился песок – завершается церемония похорон. Все покидают кладбище и направляются в недалеко отстоящее от кирхи помещение для поминального обеда. А в это время служащие из похоронной службы закапывают могилу и покрывают холм венками.

Мы с Розой Фибер приезжали на следующий день в Альтенгоф и вместе с близкими Альмы еще раз посетили кладбище. Именно такой – утопающей в незавядших цветах и зелени хвои – увидели мы ее могилу. Отец и мать Альмы казались спокойными и умиротворенными сознанием до конца выполненного долга, принесенными дочери почестями и множеством людей, пришедших на похороны.

На обратном пути в Фульду мы с Розой говорили также о гуманной, щадящей сути традиционного в Германии ритуала похорон: без губительных звуков от забиваемых гвоздей и грохота забрасываемой в могилу земли, как водится «в местах не столь отдаленных»...

На поминальный обед, кажется, никто приглашением не занимался, но пришли, наверное, все, кто был на кладбище. В большинстве это хористы и российские немцы, но немало и односельчан Альмы. Уже сам факт присутствия на похоронах большого числа людей был неожиданностью для Альтенгофа. Как говорили, в последний путь там провожает обычно не более 8-10 человек, не считая похоронной обслуги.

Причина необычности состоявшихся похорон видится не только в мученической, безвременной кончине новой односельчанки. Неожиданным открытием для жителей оказалась личность умершей «русской», на похороны которой прибыли даже из далекой Москвы.

И если высказанные в момент похорон слова о больших заслугах Альмы перед немецким движением в России еще могли быть восприняты как дань традиции, то все встало на свои места во время поминок. Прочитанные и переведенные на немецкий факсы, полученные из Москвы за подписью лидеров движения, и факс от Генриха

Гроута с соответствующими комментариями к ним Розы Фибер были для многих, если не всех «германских» немцев, полной неожиданностью.

Несмотря на продолжительное время, которое заняли чтение с комментариями, за столом сохранялась полная напряженная тишина, которой сопутствуют открытия. Присутствующие из числа местных жителей до конца поняли, кто была их новая односельчанка и хористка. И что не менее важно: большинство из них, наверное, впервые услышали об организованном массовом движении российских немцев на их родине, в СНГ.

Такой была Альма Эглит: даже своей смертью она послужила главному делу своей жизни – борьбе за справедливость для своего народа.

Gerhard Wolter
Residenz am Stausee, 100
W. 20/2
63679 Schotten

Жду вестей, желательна газетку. Прошу дать адрес кого-либо из москвичей, чтобы пробиться, наконец, на свою «родину» хотя бы письмом.

До свидания, хотелось бы, скорого. Всем привет!!!

Персональный привет и благодарность Виктору Дизендорфу за набор «Зоны...» Теперь важно, чтобы Генрих Мартенс выполнил свое обещание насчет печати. Кстати, обещал содействовать ее изданию также А.С. Семин. Прошу Анатолия Самуиловича [Майера] передать ему, Наталье Альфредовне [Резниченко], а также минобразовательным людям привет от меня из Латвии (если они не обладают иной информацией).

Будет адрес москвичей, напишу больше.

Прошу передать через Алика Вольтера также адрес Г. Гроута в Киеве.

G. Wolter

2. Г. Вольтер – В. Дизендорфу

Schotten, 5.05.96

Дорогой Виктор!

Огромное спасибо за весточку из «штаба», ставшего родным за пять лет работы, что, как, впрочем, и все остальное, оцениваешь лишь по прошествии времени (в чем каждый сможет убедиться сам). Ваше письмо особенно дорого еще и потому, что является единственной весточкой, полученной из Москвы. В этой связи я задаюсь вопросом «бывшего»: если молчание в ответ на письмо и просьбы – это оценка меня как человека и коллеги, то высокие прощальные слова – лишь дань приличию? А может быть, привычная московская круговерть заставляет жить по принципу: «С глаз долой – из сердца вон»?

Хуже, если молчание надо понять и как вежливый намек на надоедливость никому не нужными «германскими» материалами, которые я с трудом пересылаю через Р. Фибер. В таком случае прошу извинения. Я исхожу из самых лучших побуждений и уверен в том, что вскорости и Яков [Маурер] подтвердит мое мнение: мы знали только «официальную» Германию, а относительно германских реальностей, открывающихся перед свежееиспеченными аусзидлерами, мы были «слепыми котятками». В то же время, во многом именно от нашей ориентации зависело, совпадают ли ожидания выезжающих российских немцев с германскими реальностями или они исходят из распространенной в их среде завышенной оценки Германии как государства и общества.

Эта далеко не маловажная «деталь» приводит к серьезным последствиям, прежде всего, для самих аусзидлеров. Несоответствие между годами взлелеянной мечтой, наложенной на совковую психологию, и действительностью обращает многих, если не большинство аусзидлеров в огульных критиков всего «германского», в т. ч. немецкого языка, культуры, образа жизни и т. д., то есть именно того, к чему они должны приобщиться. (Они сопоставляют не условия жизни в России с условиями в Германии, а свои ожидания с реальными условиями Германии.)

Это небезобидное явление приводит не только к разочарованию, но и к тому, что «русские» замыкаются в своем окружении, изолируются от местных немцев, не стремятся к изучению немецкого языка, концентрируются в селах и городах, перегружают их своим далеко не лучшим русско-советско-немецким менталитетом, который «давит» на сознание и чувства благообразных бюргеров. В свою очередь, политикам типа Лафонтена, спекулирующим на недовольстве населения, удастся достигать своих целей и ущемлять положение аусзидлеров в Германии и тех, кто ими хочет стать – в СНГ.

О том, что причины критического отношения ко всему и вся в Германии имеют преходящий характер и вызваны известными социально-психологическими причинами, говорят данные социологических исследований, согласно которым 90% аусзидлеров довольны своим положением в Германии.

На мой посторонний взгляд и с учетом «послания» Ваффеншмидта, которое я опять-таки прилагаю, в плане проблем выезжающих в ФРГ российских немцев важнейшей задачей немецких организаций «Видергебурт» является психологическая подготовка выезжающих, помня, что после пересечения границы они становятся аусзидлерами.

Следует, однако, учесть, что «послание» датируется мартом месяцем этого особенно горячего года, и что с тех пор утекло немало воды.

Надеюсь, Вы не примете мое мнение за надоедливое назидание, хотя я и сам бичую себя за привычное нетерпение в подаче не самых лучших советов. Но я исхожу из нашей договоренности информировать Вас о важнейших событиях в Германии, так или иначе касающихся аусзидлеров.

В этом плане выделяется борьба, которая ведется в парламенте и около него вокруг так называемого Sparpaket'a, разработанного коалиционным правительством Г. Коля. Речь идет о сокращении по 13 позициям социальных выплат на общую сумму 50 млрд. марок. Среди них – и предложение о сокращении на 40% пенсий аусзидлерам (вдобавок к тому, что пенсии уже на 30% меньше, чем получают «местные» немцы).

Однако ученые-экономисты считают, что этот «пакет» является недостаточным для того, чтобы вывести Германию из структурного кризиса и предотвратить ее откат в экономике.

Можете себе представить, какие спекуляции развили на этих проблемах социал-демократы, которые наступают на пятки христианским демократам.

На этом покончим пока с аусзидлерами (у вас – выезжающими в ФРГ) и обратимся к нашей проблеме, в конечном итоге тоже связанной с аусзидлерами.

Как договорились, посылаю для перевода с одновременной правкой написанную от руки главу под названием «Енисей – река каторжная». Как всегда, без сомнения предоставляю ее в полное Ваше распоряжение, зная, что выиграет в редакционном и содержательном планах. Хотелось бы, чтобы эта большая работа Вас не очень обременила, а может быть, даже доставила творческое удовлетворение. Полагаюсь также на понимание важности этой работы, ведь делаем мы ее не ради личных, а тем более корыстных интересов, а ради общенемецкого дела. Если бы уже сегодня здесь, в Германии была такая книга, то она могла бы помочь формированию благоприятного

общественного мнения в поддержку настоящих и будущих аусзидлеров. Дело в том, что дискуссия в «верхах» вызывает здесь соответствующий интерес в «низах».

Во всяком случае, многие из «местных» хотели бы больше знать о российских немцах.

Это обстоятельство, а также наличие свободного времени и условий для работы, при уверенности в том, что публикация немецкого издания у Мартенса – еще за горами (Мартенс – это Мартенс), породили у меня новые планы и предложения, которые требуют осмысления и обсуждения. А именно:

1. Дополнительно к главе «Енисей – река каторжная», которая идет вслед за «Доля ты женская...», заново переписать «куцую» названную главу, включив в нее самую обильную часть материала. О замысле этой главы и ее названии речь впереди.

2. Внести значительные уточнения и дополнения в остальные главы на основе нового фактического и архивного материала, который не был доступен в период, когда начиналась работа над книгой.

3. Стоит подумать над литературно-художественной стороной книги, которая является ее слабостью.

В результате должно получиться переработанное и дополненное, значительно большее в объеме новое издание на немецком (а возможно, и на русском) языке под названием:

«Зона полного покоя»

(русские немцы в годы войны и сегодня) под редакцией Виктора Дизендорфа.

4. Все эти новшества потребуют обстоятельного предисловия (введения) и послесловия (заключения).

Половину (с размахом на будущее) я уже написал, дело идет туго, и я подумал, а почему бы его не переделать и не подать «от редактора»?

Для осуществления этого наполеоновского плана (ведь о «том» времени до сих пор так и не вышло ни одной солидной публицистической работы) мне понадобится 1-1,5 года настойчивой («лагерной») работы.

После этого начнется не менее важный этап – издание в «фирме» Мартенса, в чем, очень надеюсь, может помочь Генрих Гроут.

Жду Ваших предложений, советов, мнений.

Буду благодарен за любые.

А в заключение – об очередном посещении Фульды, где я после получения пенсии хочу обосноваться с жильем. Как всегда, начал с посещения кладбища и возложения цветов на кладбище. Сутки пробыл в доме стариков и молодых Дайнесов. Естественно, были разговоры об Альме, Москве, Викторе, похоронах и т. д. Добрым словом вспомнили о Вашем двухнедельном пребывании и проч. Fr. Amalia высказала желание написать Вам письмо, отсюда ответ на Ваш вопрос, надо ли Вам написать? Конечно, надо! Уверен, оно будет правильно воспринято, как и другое сочувствие, в котором они нуждаются.

Передайте привет всем «штабистам», Майеру – писульку, Э. Бернгардту – письмецо. При случае обсудите с Эрнстом Леонидовичем [Вольфом], нужно ли знакомить с событиями в Германии?

Хорошо, если бы ответ прибыл с нарочным, который передаст Вам эту почту.

До свидания. G. Wolter

3. Г. Вольтер – В. Дизендорфу

Schotten, 12.08.96

Дорогой Виктор!

Я с большим интересом прочитал I часть Вашей работы с печально-интригующим и обязывающим названием «Прощальный взлет». Должен сказать, она показалась мне во многом новой и даже незнакомой. Помнится, я читал ее в самом начале, еще во время нашего пребывания в Валуево. Кажется, тогда я высказал мнение, что при всех достоинствах ей недостает того, что составляет редкую особенность Ваших познаний: ссылок на высказывания многочисленных авторов, а также привлечения «пикантных» деталей из различных областей знания, которые в изобилии хранятся в Вашей памяти. К моей радости, все это я нашел теперь в рукописи в виде «отвлечений» от темы, напечатанных мелким шрифтом.

На мой взгляд, этот удачно найденный Вами прием является не только одной из особенностей формы будущей книги. Благодаря этим «отвлечениям» читатель получает редкую дополнительную информацию, а главное, они дают возможность мыслить более широко, объемно: видеть бытовой, личностный материал на жестокое, посталински организованном социальном фоне.

Что касается содержательной стороны рукописи, то обращает на себя внимание в первую очередь та обстоятельство, с которой ведется описание, анализ и оценка происходивших в этот период событий в национальном движении. Важно также, что они подкрепляются ссылками на работы серьезных российских и зарубежных исследователей нашего вопроса. Кстати, совершенно незнакомым для меня является имя израильского историка Б. Пинкуса.

Признаюсь, я с нескрываемым интересом читал ту часть работы, которая соприкасается со сферой моих авторских интересов в особенности теперь, когда идет переработка и дополнение «Зоны...» С удовлетворением хочу отметить, что основные выводы и цифровые данные у нас совпадают. Вместе с тем, я нашел в рукописи немало неизвестных мне фактов, которые проливают новый свет на имевшие место события. Некоторые из них не совсем ясны. В частности, в том месте, где приводится цифровой подсчет жертв «трудармии», Вы упоминаете о примерно 150 тыс. стариков, женщин и детей из числа не выселявшихся сибирских и уральских немцев, которые не находились на спецучете НКВД. До сих пор я знал, что под надзор «органов» было взято все без исключения немецкое население СССР. (В списке документов СНК СССР имеется соответствующее Постановление, кажется, 1946 года.) Надо будет прояснить этот вопрос, ибо от его результатов зависят другие цифровые подсчеты.

Прочитанное в Вашей интересной рукописи вернуло меня в то недалекое, казалось бы, время, к событиям, которые уже стали историей благодаря Вашим стараниям. Приходится только удивляться тому, каким образом эти многочисленные факты, даты и имена людей могли удержаться в Вашей памяти (если только Вы не вели подробный дневник)?

Кое-что из интереснейшего «шелепихинского» периода «бури и натиска» сохранилось и в моей голове, но, к сожалению, не в таком объеме, чтобы можно было исполнить желание: написать отдельную быто-общественно-организационную главу к «Зоне...» под заглавием «Шелепиха».

Особенно увлекли меня те места из Вашей рукописи, где рассказывается о «закулисной» деятельности «Оргкомитета», в том числе описание дискуссий по пресловутым проектам «ассоциации» и «национального совета» российских немцев, а также мышьяная возня вокруг созыва I съезда. В принципе я был посвящен в происходившее там, но о некоторых подробностях узнал впервые.

Превосходно, на мой взгляд, передано также то предельное психологическое и физическое напряжение, которое царило в Шелепихинском штабе накануне Съезда российских немцев. Жаль, что именно на этом кульминационном пункте обрывается интереснейшее повествование.

В заключение письма несколько общих мыслей, касающихся рукописи.

Во-первых, написанное мною ни в коем случае не претендует на литературно-критический анализ, а является выражением личного отношения.

Во-вторых, я белой завистью оцениваю Ваше превосходное умение «одним пером», ровно – страница за страницей – писать короткими емкими предложениями. Чтение Вашего текста я образно сравниваю с ездой на авто по ровным германским дорогам, в то время как написанное мной напоминает тряску на вездеходе по российским проселкам.

В-третьих, обращает на себя внимание равнодушное, пристрастное отношение к описываемым событиям, фактам и людям, в особенности – острый, «с перцем», саркастический тон и меткие выражения, которыми Вы по заслугам награждаете крупных и мелких негодяев, с которыми нам приходилось иметь дело.

В-четвертых, в начале письма я не случайно упомянул об обязывающем значении заглавия книги: «Прощальный взлет». Как видно из написанного, этот взлет действительно совершился и нашел объективное освещение в Вашей рукописи. Но недостает того, из чего вытекала бы грустная часть заголовка. Словом, сказав «А», надо будет сказать и «Б», иначе останется неописанной и уйдет в Лету немаловажная история национального движения российских немцев. Ведь очевидно, что кроме Вас, Виктор, это никто не сделает.

В-пятых, насколько известно, «Прощальный взлет» – это Ваша первая «проба пера» в своеобразном, вызванном жизнью жанре, который не назовешь ни мемуарным, ни чисто публицистическим. Но можно сказать с полной уверенностью, что «первый блин» не вышел «комом»: написанное познавательно и читается с интересом.

И совсем в заключение несколько вопросов.

Первый: когда можно будет подержать в руках Вашу книгу? Помнится, примерно год тому назад были желающие пожертвовать свои деньги на это святое дело.

Второй: читали ли рукопись Генрих Гроут и другие заинтересованные лица? Давали ли Вы рукопись для получения официального отзыва?

Третий: каким образом я могу использовать в нашей книге приведенные в рукописи данные?

Четвертый: я нахожу Ваш довод о несостоятельности данных о якобы состоявшемся 12 августа заседании Совнаркома СССР по депортации немцев Поволжья убедительной. Но откуда эта первичная информация перекочевала даже в немецкие органы информации?

До свидания. С неизменным уважением *G. Wolter*

Здесь представлены все письма Г. Вольтера, хранящиеся у меня. Больше он мне и не писал: за неполные 3 года от его отъезда в Германию до безвременной кончины мы, как правило, общались не через письма, а по телефону или при личных встречах. Скажем, в 1996 г., когда были написаны данные письма, мы виделись трижды – в июне, на Федеральной встрече немцев из России в Штутгарте, в октябре, на научной конференции в Гёттингене, а затем дома у Вольтера в Фульде, куда он только что переехал из Шоттена (оба последних города относятся к Земле Гессен), и в ноябре в Киеве, на I конгрессе немцев Украины. Несколько пояснений по тексту каждого из писем.

Письмо первое. Описывает похороны нашей с Г. Вольтером соратницы по национальному движению российских немцев Альмы Рейнгольдовны Эглит, урожденной Дайнес (1949-1996). Она была в числе учредителей общества «Возрождение» в г. Красноармейске Саратовской обл. С 1990 г. – сотрудница центрального офиса «Возрождения», а затем и Межгосударственного Совета российских немцев (МГСН) в Москве. В 1991-93 гг. – делегат трех общенациональных съездов, а также Учредительного съезда немцев России, член Форшганда (Правления) МГСН. С 1993 г. – зам. председателя Межгосударственного объединения немцев бывшего СССР «Видергебурт». С апреля 1994 г. – в Германии, жила в Альтенгофе (Земля Гессен).

Письмо второе. Вопреки сомнениям Г. Вольтера, его сообщения о ситуации вокруг переселенцев в Германии вызывали у нас большой интерес и тут же публиковались в нашем информационном листке «Видергебурт».

Работа Вольтера (при нашем содействии) над 2-м изданием «Зоны полного покоя» полностью завершилась лишь через 2,5 года после ее начала – книга вышла в свет в июле 1998 г. Надежды автора на выпуск книги Международным союзом немецкой культуры во главе с Г. Мартенсом, которых я не разделял с самого начала, хорошо зная цену обещаниям этого деятеля, так и не сбылись. Книга была издана Общественной Академией наук российских немцев.

«Зона полного покоя» появилась на немецком языке только через 5 лет после смерти Вольтера, в 2003 г. (Аугсбург, издательство Вальдемара Вебера, редактор – Татьяна Вебер). К этому изданию я отношения не имел.

Письмо третье. Моя книга «Прощальный взлет» вышла в свет в июле 1997 г., и я смог преподнести ее Г. Вольтеру уже через пару недель, когда мы встретились (по поводу подготовки 2-го издания «Зоны полного покоя») в Латвии, откуда Вольтер выехал в Германию и куда не раз после этого приезжал. А в июне 1996 г., во время нашей встречи в Штутгарте, я передал Вольтеру компьютерную распечатку текста книги, существовавшего на тот момент. Книга была написана на основе документов и моих воспоминаний, но не дневниковых записей, которых я никогда не вел.

Упомянув в «Прощальном взлете» о 150 тыс. немцев, живших до войны на Урале и к востоку от него, а затем не оказавшихся в числе спецпоселенцев и мобилизованных, я имел в виду состояние на октябрь 1946 г., как нетрудно убедиться по тексту книги. Однако уже вскоре после этого они тоже были поставлены на учет спецпоселения. В середине 1996 г. ни я, ни Вольтер еще не знали, что в 1994 г. В.Н. Земсков опубликовал в книге «Население России в 1920-1950-е годы: численность, потери, миграции» полные данные о численности немецко-спецпоселенцев на 1.01.1953 г., где нашла отражение и эта категория людей. Сегодня известно также, что общая численность немецких жителей этой части СССР составляла перед войной, т.е. в 1939 г., 273828 чел. (в моей книге названа цифра 270 тыс.). Однако мы и по сей день не знаем ответа на вопрос, поставленный в письме Вольтера: сколько немецких жителей СССР того периода вообще не находились на спецучете НКВД? Известно, что такие люди существовали (с некоторыми из них я был знаком), но их численность и причины, по которым они не были поставлены на учет, по-прежнему неясны.

Информация о принятии 12.08.1941 г. Постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О расселении немцев Поволжья в Казахстане» получила распространение через работы Н.Ф. Бугая и А.А. Германа. Она была основана на недоразумении – в некоторых репрессивных актах, где содержатся ссылки на этот документ, приведена его ошибочная датировка – 12 августа вместо 12 сентября. Эти авторы почему-то не приняли во внимание, что верная дата была указана еще в приложении к Постановлению Кабинета Министров СССР от 6.06.1991 г.

В. Дизендорф